

ОТОМ, что ей присвоили высокое звание, художественный руководитель ансамбля танца «Зебо» Гостелерадио Таджикской ССР Зебо Амин-заде узнала в репетиционном зале. Узнала из поздравлений друзей и знакомых, принесших радостную весть. Это было в субботу. А в воскресенье сюда же принесли и телеграммы из Ленинабада, из родного театра им. А. Пушкина...

Родной театр... С ним связана судьба целых трех женских поколений ее семьи. Бабушка, народная артистка республики Каромат Закирова, принадлежала к старшему поколению таджикских артистов. Артистичная от природы, она и пела, и танцевала, и была драматической актрисой. Она одна могла дать разнообразный концерт. Люди любили ее, ласково называя «наша Тамара-ханум». И этим сравнением подчеркивали сходство Каромат Закировой с находившейся тогда в зените славы артисткой из братского Узбекистана.

Но среди всех обожателей таланта Каромат Закировой, наверное, самой пристрастной была родная дочь, Ойдина. Когда выступала мама, Ойдина не могла не быть в театре, а в провинциальном театре «прима» занята практически ежедневно. Каромат запрещала дочери без конца торчать в театре — надо учить уроки. Но тяга к театру, любовь к маме-актрисе подсказывали выход: можно спрятаться у осветительных приборов, а когда загремят последние аплодисменты, броситься стремглав домой — благо дом рядом, за оградой театра, и притвориться спящей...

Наверное, поэтому сама Ойдина, когда выросла и стала актрисой, не была так строга к своей дочери Зебо. Девочка практически росла в театре, часто выезжала вместе с мамой и бабушкой на гастроли. Маленькая Зебо впитывала в себя театральную жизнь и сильнее всего — самое яркое, самое удивительное — танец. Бабушка и мама были первыми учителями. Лет в семь Зебо впервые вышла на сце-

ну. В ее репертуаре было всего три, но таких разных по характеру танца — лирический «тановар», жизнерадостный «хорезмский» и пластичный «индийский».

Через два года театр поехал на гастроли в столицу республики. Как раз в это время один из основоположников таджикского балетного искусства Г. Валамат-заде набирал

больше тот, который на сцене. Воспитанников училища часто водили на балетные спектакли Большого театра. Здесь она впервые увидела выдающихся балерины — Г. Уланову, М. Плисецкую, видела их в разных спектаклях, видела и вместе в «Бахчисарайском фонтане». С восхищением и замيرانьем сердца любовалась Жизелью Е. Максимовой. Осо-

экспериментальное отделение хореографического училища, где наряду с классическим балетом изучался и народный танец. Я перевелась туда, и в шестьдесят пятом году закончила это училище. Считаю, однако, четыре года учебы в Москве самыми важными. Если бы не попала в Москву, многое бы потеряла. Мой педагог Елена Николаевна Жем-

денгов. Здесь девятнадцатилетнюю артистку из Таджикистана ждал неожиданный и оглушительный успех — Золотая медаль фестиваля за исполнение национальных танцев. Было это в 1968 году...

С тех пор немало сыграно ролей на сцене Пушкинского театра, было немало выступлений в качестве танцовщицы в составе различных артистических бригад как в стране, так и за рубежом. А чуть менее двух лет назад ей предложили возглавить ансамбль танца Гостелерадио Таджикской ССР.

Нелегко было согласиться на это предложение — Зебо не знала своих возможностей в этой области. К тому же начинать надо было на пустом месте.

Не будем подробно описывать, как создавался ансамбль. Отметим только, что был конкурс, в котором участвовали старшеклассницы душанбинских школ. Несколько месяцев упорнейшей работы (не только над программой — надо было самим изготовить костюмы и украшения к ним. Тут Зебо была еще и художником, делала эскизы) — первый дебют на ТВ. Успех превзошел ожидания. А поскольку был объявлен конкурс на название нового танцевального коллектива в республике, зрители предложили назвать его «Зебо» — «Красавица». И не только по сути, которой он отвечал.

Полтора года — совсем ничтожный отрезок времени жизни для вновь созданного, не из профессионалов, творческого коллектива. Но уже дважды ансамбль показывали по Центральному телевидению на всю страну.

...Мы встретились с Зебо в репетиционном зале. Каким хочется видеть она свой ансамбль? «Дружным», — отвечает Зебо. — Мы стараемся как можно больше времени проводить вместе. В воскресенье устраиваем культпоходы. Если кто заболел — обязательно навещаем все. Сейчас у нас очень дружная обстановка, и мы стараемся сохранить ее. Я хочу, чтобы каждый радовался успеху товарища, как своему». — Зебо, Вы сами выступа-

те с ансамблем. Во всяком случае, в первом видеофильме мы видели Вас вместе с другими участниками ансамбля.

— Нет, сейчас я не выступаю. Участие в первой программе объясняется просто: у нас был малочисленный состав. Мы произвели еще один набор, и теперь в ансамбле двадцать человек.

— Но Вам, вроде бы, рано расставаться со сценой.

— Это верно. Но если я танцую сама, я теряю из вида девочек. А сил на работу с ансамблем и самостоятельные репетиции просто не хватает. Признаться, меня это не особенно расстраивает. В каждой из девочек я вижу себя. Это великое счастье, когда у кого-то что-то получается, как у тебя. Я и не ожидала, что так полюблю свою новую работу и своих девочек. За их выступления я переживаю гораздо сильнее, чем когда-то за свои собственные.

— Чем сейчас живет новый ансамбль, какие у него планы и какие проблемы — они ведь наверняка есть в молодом коллективе?

— Мы готовим новую программу. В нее войдут одиннадцать номеров. Это будут, как и прежде, в основном танцы народов Востока. Но показали мы на днях нашему руководству и эстрадный танец с восточными элементами. Это новое в нашей программе. Вообще я вижу в будущем некоторую специализацию в ансамбле: одна группа выступает с эстрадным ансамблем «Гульшан», другая — с ансамблем шаммакомистов. И, конечно, общие номера для обеих групп.

Думаем мы о детской студии при Гостелерадио. Надо набирать в нее детей и учить. Пока в республике никто не готовит квалифицированных исполнителей народных танцев. А главное, конечно, — репетиций. К нам ведь пришли непрофессиональные танцовщицы. Так что мне и репетитору Татьяне Анатольевне Азамовой приходится работать с полной отдачей. Но без этого новый ансамбль существовать не может.

В. ЛЫСЕНКОВ.
Фото В. ИВАЩЕНКО.

ЖИЗНЬ В ТАНЦЕ

● ЛЮДИ ИСКУССТВА ●

Указом Президиума Верховного Совета Таджикской ССР за успехи в развитии хореографического искусства республики Зебо Мухиддиновна Амин-заде присвоено почетное звание народной артистки Таджикской ССР.

способных детей в хореографическое училище Москвы при ГАБТ СССР. После длительных колебаний Ойдина Усманова отпустила единственную дочь на учебу в Москву, в хореографическое училище при Большом театре СССР.

...Становление таланта, поиск своего пути чаще всего бывают непростыми. В училище готовили будущих артистов классического балета. А Зебо выросла на народном танце. Им она была пропитана до последней клеточки. А тут требовалось иное.

Зебо была слишком мала, чтобы разобратся в самой себе. Балет она любила, но

бенно гордились учащиеся успехом своих старших товарищей, при них закончивших училище, — М. Лавровского и Н. Бессмертной.

Встречи были не только на сцене, но и в училище. На встречу с воспитанниками не раз приходила сама Г. С. Уланова, и эти встречи оставили в душе неизгладимый след.

— Я стала как-то по-иному смотреть на все, лучше понимала себя, свои стремления, — вспоминает Зебо. — И обнаричила, что тяги стать балериной у меня нет. А есть желание лучше изучить народный танец. К этому времени в Ташкенте как раз открывалось

чужина дала мне хорошую школу. Там, в Москве, я отчетливо поняла, что такое настоящее высокое искусство и какого труда оно стоит...

После учебы для Зебо началась работа в родном театре. Теперь нередко в одном спектакле играли мать — народная артистка Таджикской ССР Ойдина Усманова и дочь — Зебо. И еще Зебо часто танцевала — в спектаклях, в концертах, обычных и праздничных. Ее талант и мастерство обратили на себя внимание. На третий год работы ее посылают в составе таджикской делегации в Софию на IX фестиваль молодежи и сту-